

ТУПИКИ ВОЙНЫ: КАК МЕНЯЛИСЬ ВЗГЛЯДЫ РОССИЯН НА «ВОЕННУЮ ОПЕРАЦИЮ» В ТЕЧЕНИЕ ВТОРОГО ГОДА КОНФЛИКТА

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 [ЕЛЕНА КОНЕВА, КИРИЛЛ РОГОВ](#). ВТОРАЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ: КАК МЕНЯЛОСЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВТОРОГО ГОДА ВОЙНЫ

- 15 [ВЛАДИМИР ЗВОНОВСКИЙ, АЛЕКСАНДР ХОДЫКИН](#). МЕЖДУ «СПИРАЛЬЮ МОЛЧАНИЯ» И «ФУРГОНОМ С ОРКЕСТРОМ»: ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩИХ НА МНЕНИЕ РОССИЯН О РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ

В медиа и даже среди экспертов сегодня доминирует мнение, что российское общество адаптировалось к войне, отстранилось от нее и живет какой-то параллельной с войной жизнью, а цифры поддержки войны в опросах общественного мнения застыли и практически не меняются. Однако за этой статичностью обнаруживается существенная, хотя и неоднозначная динамика: социологические исследования указывают на то, что ядро реальных сторонников войны в течение второго ее года сократилось, а «слышимость» провоенной позиции в обществе снизилась. Это, тем не менее, не привело к росту доли видимых противников войны. Скорее, можно говорить о ситуации своего рода тупика в общественном мнении, обусловленного страхом репрессий и сознанием невозможности повлиять на ход событий, с одной стороны, и опасениями, связанными с тем, что сценарий выхода из войны выглядит для респондентов как неясный, потенциально конфликтный и тревожный, с другой. Снижение провоенных настроений и уровня реальной поддержки войны соседствует с непониманием путей выхода из создавшейся ситуации.

Данные социологических опросов об отношении россиян к войне несколько ушли из фокуса внимания медиа. Среди экспертов утвердилось представление, что российское общество адаптировалось к войне, отстранилось от нее, а цифры в массовых опросах, демонстрирующие отношение к ней, практически застыли на месте. Однако более подробный анализ позволяет увидеть важные тенденции, которые могут оказаться предвестниками новых трендов в общественном мнении если не в ближайшем будущем, то в среднесрочной перспективе, а также точнее понять группы факторов, влияющих на динамику общественного мнения о войне.

Так, статья социологов Владимира Звоновского и Александра Ходыкина помогает понять, как мнение окружающих или представление об этом мнении влияют на собственное отношение респондентов к войне и на готовность его публично высказывать. Действует ли в сегодняшней России «спираль молчания» — социальный эффект, когда сторонники определенного мнения, считая его непопулярным, не решаются высказывать его и таким образом лишь усиливают его непредставленность в публичном поле? «Железнодорожный тест», используемый социологами для обнаружения «спирали», показывает, что говорить о «военной операции» с малознакомыми людьми не склонны россияне любых взглядов, но ее противники высказывают свое мнение более чем в полтора раза реже, чем ее сторонники (22% против 35%). Это означает, что если, например, в какой-то группе число сторонников войны в полтора раза больше числа ее противников (60% против 40%), то в силу меньшей готовности последних высказывать свою позицию наблюдателю будет казаться, что число сторонников войны превосходит число ее противников в два с половиной раза (70% против 30%). В результате мнение противников войны будет восприниматься окружающими (и ими самими) как маргинальное.

Однако в целом ситуация выглядит сложнее. Социологи обнаружили, что в 2023 году доля поддерживающих «военную операцию» в опросах несколько сократилась, но доля тех, кто говорит, что в его окружении ее поддерживает большинство, сократилась гораздо сильнее. Заявляют о своей поддержке около 70% респондентов, а о неподдержке — около 20%; в то же время лишь 57% опрошенных говорят, что в их окружении большинство поддерживает «военную операцию», а 30% заявляют, что сторонников и противников войны в их окружении поровну. Это, показывают исследователи, связано с тем, что часть тех, кто присоединяется к нормативному большинству поддержки военных действий, не имея для этого собственной реальной мотивации (эффект «фургона с оркестром»), не склонна высказывать свою позицию публично, обнаруживая себя в смешанной среде, где присутствуют и сторонники, и противники «военной операции».

В результате противники войны не склонны высказываться, когда считают, что находятся в провоенно настроенном окружении, в то время как «слабые», декларативные сторонники войны перестают защищать свое мнение, обнаруживая, что не находятся посреди провоенного большинства. Последняя ситуация, видимо, особенно характерна для молодежной среды, где доля даже чисто декларативно заявляющих о поддержке «операции» составляет не более трети.

Впрочем, отмеченный феномен снижения «слышимости» в обществе провоенной позиции может иметь и дополнительное объяснение, как следует из второй части доклада — статьи Елены Коневой и Кирилла Рогова. Во второй половине 2023 года в опросах общественного мнения можно наблюдать незначительное сокращение доли респондентов, заявлявших о поддержке военных действий, и гораздо более существенное сокращение ядра сторонников войны — провоенно настроенного сегмента общества. Это ядро сократилось в полтора раза и стало соразмерным доле тех, кто в целом придерживается скорее антивоенных взглядов (27% против 25%). Сократилась и доля тех, кто не готов поддержать решение Путина о немедленном выводе войск без достижения целей «операции», — к концу года она стала заметно меньше доли тех, кто готов поддержать такое решение (33% против 40%).

При этом, однако, достаточно существенное сокращение провоенного ядра не привело к росту ни доли открытых, последовательных противников войны (10%), ни доли людей с антивоенными взглядами (25%), но привело к расширению круга тех, кто либо высказывает противоречивые взгляды, либо старается не высказывать никаких, либо, декларативно присоединяясь к «воображаемому большинству» сторонников «СВО», в то же время хочет скорейшего окончания войны даже без достижения ее заявленных целей.

Эта ситуация демобилизации сторонников войны, впрочем, на протяжении двух лет конфликта проявляет себя уже второй раз. Наиболее высокие показатели поддержки «военной операции» наблюдались весной — в начале лета 2022 года, затем наступила фаза частичной демобилизации сторонников войны, связанная с осознанием ее затяжного характера, высоких издержек и неясных перспектив, достигшая пика в сентябре 2022-го, после объявления реальной «частичной мобилизации». Однако после осеннего отступления российских войск зимой 2022/23 года наблюдается вторая фаза мобилизации сторонников войны, стимулированная страхом поражения и информационной кампанией пригожинского турбомилитаризма, включавшей не только неистовую полемику Пригожина с военным командованием, но и информационный эффект выведенного им на федеральную медиасцену пула военных блогеров.

Наконец, с весны-лета 2023 года можно наблюдать вторую фазу демобилизации — заметного сокращения провоенно настроенных групп после того, как опасения, связанные с украинским контрнаступлением, развеялись, Пригожин исчез с политической сцены, а провоенные блогеры оказались под давлением кремлевской цензуры.

Расширение в связи с этой второй демобилизацией доли людей с нечеткой или скрытой позицией неверное, однако, интерпретировать как исключительно рост индифферентности россиян к войне. Война остается центральной проблемой российского общества, даже если россияне стремятся не обсуждать ее и не высказываться о ней. Скорее, это ситуация своеобразного тупика в общественном мнении, обусловленного давлением страха репрессий и сознанием невозможности повлиять на ход событий, с одной стороны, и, с другой, опасениями, связанными с тем, что сценарий

выхода из войны и гипотетического вывода войск выглядит для респондентов как неясный, потенциально конфликтный и тревожный. Так, при том что 40% поддерживают немедленный вывод войск без достижения целей операции, 37% считают, что ситуация в стране в результате такого сценария ухудшится.

Внезапно прорывающиеся несмотря на репрессивный контекст локальные кампании политической мобилизации, такие как недавние протесты в Башкирии или кампания сбора подписей за Бориса Надеждина как альтернативного кандидата на президентских выборах, могут рассматриваться в качестве признаков растущего политического напряжения, которое, однако, не имеет выходов и способов кристаллизации вокруг тех или иных позиций и разделительных линий.

ВТОРАЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ: КАК МЕНЯЛОСЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВТОРОГО ГОДА ВОЙНЫ

Елена Конева
Основатель агентства ExtremeScan

Кирилл Рогов
Директор проекта Re: Russia

На протяжении второго года войны в опросах общественного мнения можно наблюдать незначительное сокращение доли респондентов, заявлявших о поддержке военных действий, и гораздо более существенное сокращение ядра сторонников войны — провоенно настроенного сегмента общества. В результате это ядро сократилось в полтора раза и стало соразмерным доле тех, кто в целом придерживается скорее антивоенных взглядов. Сократилась и доля тех, кто не готов поддержать решение Путина о немедленном выводе войск — к концу года она стала меньше доли тех, кто готов поддержать такое решение. Однако все это привело не к росту доли противников войны, а к расширению зоны размытого и отчужденного отношения к ней.

В целом, в отношении к войне можно наблюдать четыре периода на протяжении двух прошедших лет. Наиболее высокие показатели поддержки наблюдались весной — в начале лета 2022 года, затем наступила фаза частичной демобилизации сторонников войны, связанная с осознанием ее затяжного характера и более высоких издержек, достигшая пика в сентябре 2022-го. После осеннего отступления российских войск зимой 2022/23 года наблюдается вторая фаза мобилизации сторонников войны, стимулированная страхом поражения и информационной кампанией пригожинского турбомилитаризма. Наконец, с весны 2023 года мы наблюдаем вторую фазу демобилизации — заметного сокращения провоенно настроенных групп. Однако отсутствие одновременного роста антивоенных настроений связано не только со страхом репрессий на фоне относительно низких издержек войны, но также с тем, что сценарий окончания войны и вывода войск выглядит для респондентов как неясный, потенциально конфликтный и тревожный.

СТОРОННИКИ, ПРОТИВНИКИ И УКЛОНИСТЫ

По прошествии первого года [войны мы попробовали суммировать некоторые наблюдения](#) за динамикой общественного мнения на материале опросов проектов [«Хроники»](#) и [ExtremeScan](#). Главным выводом тогда стал парадоксальный, на первый взгляд, тезис о том, что в данных массовых опросов мы видим не одно, а сразу два большинства.

В целом в опросах «Хроник» и ExtremeScan, благодаря наличию двух подсказок, которые с самого начала предлагаются респонденту (варианты ответа «Затрудняюсь ответить» и «Не хочу отвечать») и позволяют ему уклониться от выражения определенного мнения, мы видим две большие и одну небольшую группы. Первая — это те, кто на прямой вопрос «Поддерживаете ли вы действия российских войск в Украине?» отвечает утвердительно. Они образуют большинство «декларативной поддержки» войны. Весной 2022 года, в начале войны, их доля составляла 63%, затем снизилась и на протяжении большей части 2023-го (с апреля 2023 года, четыре замера) составляла в среднем 53%. Вторая группа — те, кто заявил, что не поддерживает войну: их доля (по замерам «Хроник» и ExtremeScan) на протяжении практически всех двух лет войны составляла 10%. Помимо них, однако, существует еще одна большая группа — группа «уклонистов», то есть тех, кто затруднился или отказался отвечать. Весной 2022 года таких было 28%, а на протяжении большей части 2023 года — 36%. При этом группа «затруднившихся» выросла всего на 1 процентный пункт, а группа «отказывающихся» — на 7.

Здесь важно отметить, что поддержка войны в сегодняшней России является жестко нормативной позицией (нормативным требованием), отсутствие которой может навлечь на человека социальное давление и преследования. Поэтому уклонение от ее высказывания в опросе по большей части выглядит значимым жестом, и уж во всяком случае значимым выглядит отказ от ответа. Если в обычном (не сенситивном) вопросе ответ «Затрудняюсь ответить» является просто уклонением от «выбора», то здесь он становится уклонением от подтверждения лояльности нормативной позиции, поддержанной эффективным репрессивным аппаратом. В этом смысле вполне содержательным следует считать тот факт, что в начале 2023 года 40% опрошенных («уклонисты» плюс открытые противники войны), а в конце года — 48% не выражали лояльности нормативной позиции одобрения войны.

Рисунок 1. Динамика ответов на прямой вопрос о поддержке военных действий, % от числа опрошенных

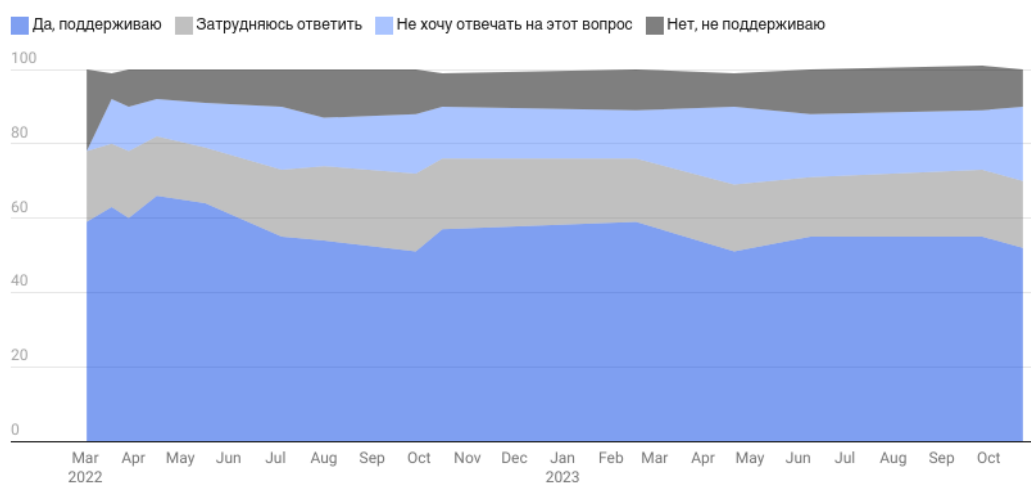

График: Re: Russia Источник: «Хроники», ExtremeScan

В целом, по данным опросов «Хроник» и ExtremeScan, в динамике отношения к войне в разрезе прямого вопроса о ее поддержке можно выделить четыре периода. Наиболее высокие цифры декларативной поддержки наблюдались весной — в начале лета 2022 года. Затем в течение нескольких месяцев имело место ее снижение до минимумов в сентябре (после объявления «частичной мобилизации») при одновременном росте доли «уклонистов». Зимой 2022/23 года наблюдался новый подъем, сменившийся новым снижением с весны 2023 года, когда уровень поддержки колебался в диапазоне 51–55%.

Эти тренды различимы и в опросах «Левада-центра». Особенностью последних является, во-первых, проведение их методом face-to-face (полстеры приходят на дом) и, во-вторых, то, что респонденту предлагают шкалу возможных ответов: «Определенно поддерживаю», «Скорее поддерживаю», «Скорее не поддерживаю» и «Определенно не поддерживаю». Такая тактика (часто и вполне законно используемая в опросах) подталкивает респондентов дать содержательный ответ. В результате цифры агрегированной поддержки («Определенно поддерживаю» + «Скорее поддерживаю») у «Левада-центра» оказываются более высокими — колеблются в диапазоне 70–81% со средним значением 75% и практически не обнаруживают динамики. Однако если посмотреть на уровни поддержки, то мы увидим картину, близкую к результатам «Хроник» и ExtremeScan. Доля определенно поддерживающих военные действия сократилась по сравнению с первыми шестью месяцами войны на 6 п. п. Доля тех, кто неуверенно поддерживает и неуверенно не поддерживает войну («Скорее да» + «Скорее нет»), выросла с 37 до 42%; доля тех, кто твердо не поддерживает, осталась неизменной — около 10%.

Таблица 1. Группы поддержки войны по данным опросов «Хроник», ExtremeScan и «Левада центра», 2022–2023, % от числа опрошенных

	март–май 2022	июль–сентябрь 2022	октябрь 2022 – февраль 2023	март–ноябрь 2023
Опросы «Хроник», ExtremeScan				
Декларативная поддержка	63	53	58	53
«Уклонисты» (затруднились или отказались отвечать)	28	35	32	36
Неподдержка войны	9	12	10	11
Опросы «Левада-центра»				
Определенно да	48	46	44	42
Скорее да	29	29	30	32
Скорее нет	8	10	10	10
Определенно нет	9	9	9	8
Затруднились ответить	6	7	7	8

Важно также подчеркнуть, что на протяжении двух лет большинство декларативной поддержки войны колебалось в весьма значительном диапазоне (51–66%), при этом доля открытых противников военных действий оставалась неизменной. Это достаточно редкая для опросов

ситуация, когда снижение поддержки одной позиции не конвертируется в рост поддержки ее альтернативы, указывающая на какие-то особые «блокирующие» обстоятельства, в данном случае, видимо, — на давление климата мнений и репрессивной среды.

ПОЧЕМУ ДВА БОЛЬШИНСТВА?

Два дополнительных вопроса, задававшихся респондентам в опросах «Хроник» и ExtremeScan, касались поддержки 1) гипотетического решения Путина вывести войска, даже несмотря на то что цели военной операции не достигнуты, и 2) направления бюджетных средств на военные нужды в приоритетном порядке. Ответ на первый вопрос демонстрирует, действительно ли существенными выглядят для респондента цели войны и приемлемо ли для него возвращение в начальную точку («до войны»). Ответ на второй — достаточно ли существенными выглядят эти цели, чтобы «затянуть пояса», ограничив другие расходы бюджета. При этом формулировки обоих вопросов не являются столь сенситивными — государственный официоз не требует давать на них единственно правильный ответ, — а потому оставляют пространство для безопасного выражения своего мнения.

Сочетание трех вопросов позволяет провести более тонкую сегментацию и выделить широкое и узкое ядра сторонников войны. В начале 2023 года широкое ядро составляло 39% — это те, кто не только декларативно поддерживал «военную операцию», но и не был готов поддержать решение о выводе войск до достижения ее целей. Узкое ядро поддержки — турбомилитаристы, декларативно поддерживающие войну, не согласные с прекращением ее до достижения ее целей и готовые ради победы «затянуть пояса», — включало 22% опрошенных.

То обстоятельство, что из в среднем примерно 55% респондентов, выражающих декларативную поддержку войны, лишь примерно 39% не поддерживают решение о выводе войск, означает, что около трети тех, кто присоединился к нормативному большинству декларативной поддержки, вероятно, не стали бы этого делать, если бы «климат мнений» был для этого более благоприятен. Это позволило нам утверждать, что помимо большинства декларативной поддержки войны существует также большинство «непротивления войне» — тех, кто либо уклоняется от нормативного жеста поддержки, либо, выражая декларативную поддержку, в то же время не разделяет провоенных взглядов.

Ситуация, когда в обществе обнаруживаются два большинства, только на первый взгляд кажется парадоксальной. На самом деле прямой вопрос о поддержке «военной операции», который социологи постоянно задают респондентам, как и другие крайне сенситивные (поляризующие) вопросы, в конкретном политическом контексте меняет свое фактическое содержание. Точно так же, например, когда респондентам в России задают вопрос об одобрении деятельности Владимира Путина, в условиях широко распространенного убеждения, что его поддерживает абсолютное

большинство россиян, этот вопрос, по сути, звучит для них следующим образом: «Одобряете ли вы президента Путина так же, как одобряет его абсолютное большинство россиян (как это хорошо известно), или принадлежите к тому меньшинству, которое его почему-то не одобряет?» В результате респондент отвечает не столько на вопрос о своем отношении к Путину, сколько на вопрос о своих взаимоотношениях с «воображаемым большинством» россиян и в своем ответе должен заявить либо о принадлежности к нему, либо о своей оппозиции (оппонировании) ему.

Вопрос о поддержке «военной операции» в конкретном репрессивно-пропагандистском контексте сегодняшней России также имеет для респондента специфическое звучание. Ответ «Поддерживаю» является жестко нормативным, а ответ «Не поддерживаю» — открыто конфронтационным в отношении режима. То есть, отвечая на этот вопрос, респондент прежде всего решает, готов ли он определить себя как состоящего в конфронтации с режимом и в оппозиции ему — так же как и «воображаемому большинству» поддерживающих войну россиян. 10% опрошенных, заявляющие, что они не поддерживают «специальную военную операцию», — это те, кто признает, что они находятся в состоянии конфронтации с режимом и «воображаемым большинством» (пусть даже она и не предполагает публичных действий).

Таким образом, в распределении ответов на три касающихся войны вопроса мы имеем дело с тремя основными группами: 1) теми, кто осознает себя в состоянии конфронтации с режимом и «воображаемым большинством», 2) теми, кто реально поддерживает войну, и 3) теми, кто не готов к конфронтации с режимом даже на уровне личного позиционирования, а потому вынужден искать для себя ниши декларативной поддержки или ухода от ответа. Последняя группа и составляет еще одно большинство — большинство «непротивления», контуры которого проступают в тени большинства декларативной поддержки.

ГРАДИЕНТ ПОДДЕРЖКИ/НЕПОДДЕРЖКИ ВОЙНЫ

[Результаты качественных социологических исследований](#), полученные на основе глубинных интервью, указывают, что поддержка/неподдержка войны в российском обществе представляет собой не набор сегментов, структурированных вокруг артикулированных позиций, но скорее континуум аргументаций и нарративов, располагающийся между двумя полюсами: убежденной поддержкой войны и ее неподдержкой. В известной степени количественные исследования на основе массовых опросов подтверждают эти выводы. И наиболее существенные изменения в отношении к войне на протяжении этого года происходили не в распределении ответов на прямой вопрос о поддержке «СВО», а как раз в ответах на дополнительные вопросы о войне.

Рисунок 2. Динамика индикаторов отношения к войне, 2022–2023, % от числа опрошенных

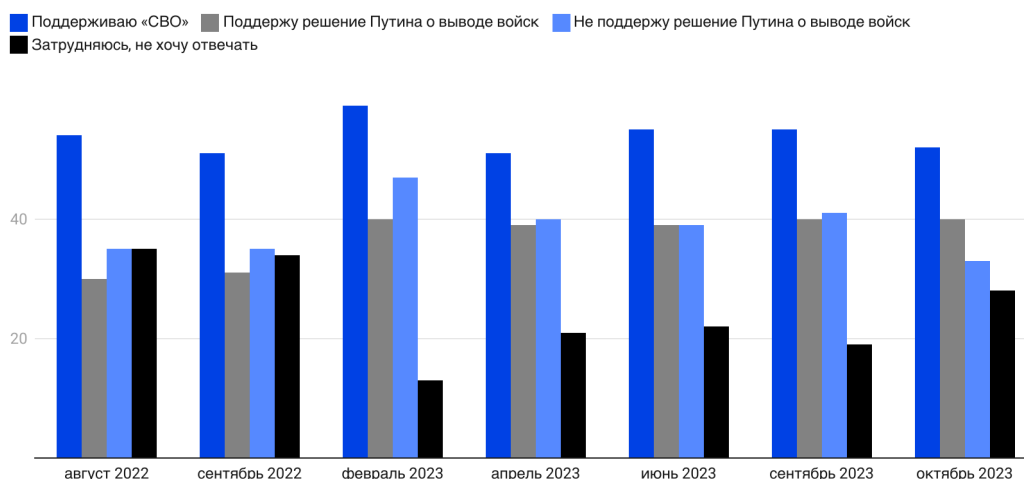

График: Re: Russia Источник: «Хроники», ExtremeScan

Во второй половине 2022 года, как видно на рисунке 2, вопрос о немедленном выводе войск по решению Путина ставил респондентов в тупик, и группы заявляющих о поддержке этого решения, несогласии с ним и затруднившихся с ответом были примерно равны. В начале 2023-го одновременно выросла доля поддерживающих это решение, но еще больше — доля его не поддерживающих. Такой одновременный рост двух групп с противоположными взглядами — признак поляризации общества. При этом тех, кто не поддерживал вывод войск, прошлой зимой было больше, чем тех, кто поддерживал. Затем доля не поддерживающих решение о выводе войск сокращалась дважды — весной и осенью 2023-го. В результате доля этой группы сжалась почти на треть — с 47 до 33%. При этом доля поддерживающих оставалась стабильной — 40%, а росла доля затруднившихся и отказывающихся отвечать (с 13 до 28%).

Иными словами, поддержка идеи вывода войск (без достижения поставленных целей) по-прежнему вызывает у значительной части респондентов затруднение, но доля реальных сторонников продолжения операции сокращалась достаточно динамично. Процесс частичной демобилизации твердых сторонников войны проявил себя и в распределении ответов на второй дополнительный вопрос о бюджетных расходах: в феврале 2023 года приоритетное их направление на военные нужды поддерживали 37%, в октябре 2023-го — 26%.

Соответственно, существенно изменились узкое и широкое ядра поддержки войны. Узкое ядро в февральском опросе 2023 года составляло 22% респондентов, а в октябрьском — 12%. Широкое ядро (поддерживающие войну и не поддерживающие гипотетический вывод войск) составляло 39% в феврале 2023-го и сократилось до 27% под конец года. На другом конце спектра, помимо открытых противников военной операции (заявляющих, что они не поддерживают войну, в ответ на прямой вопрос), — те, кто не высказывает декларативной поддержки войны и при этом поддерживает вывод войск, как и приоритетное направление бюджетных трат на невоенные цели. Эта группа близка по взглядам

к противникам войны. Избегая декларативного противопоставления себя режиму, они не поддерживают провоенные политики и не считают цели войны достаточно важными.

Кроме того, существует еще группа тех, кто не высказывает поддержку военной операции и поддерживает вывод войск без достижения целей войны, — это «несторонники» войны. Они не готовы идентифицировать себя как оппозицию, вступать в конфронтацию с режимом, но в то же время хотели бы, чтобы войны не было или она быстрее закончилась. Они совершенно не обязательно «тайные либералы», большинство из них вполне лояльны «путинизму», но «путинизму без войны». Наконец, существует группа высказывающих декларативную поддержку «СВО», но при этом поддерживающих вывод войск и не поддерживающих приоритеты военных трат бюджета, — это группа чисто декларативной поддержки войны.

Таким образом, мы можем выстроить своего рода спектр отношения к войне в том виде, как он представлен в данных массовых опросов. И соответственно увидеть, как это спектр изменился между опросами начала и конца 2023 года.

Таблица 2. Спектр отношения к войне

1	Турбо-сторонники войны	Декларативная поддержка «СВО» + несогласие на вывод войск + поддержка приоритетных трат на военные нужды
2	Убежденные сторонники войны	Декларативная поддержка «СВО» + несогласие на вывод войск
3	Декларативные сторонники войны	Декларативная поддержка «СВО» за исключением групп 1 и 2
4	«Серая зона»	Не входящие в группы 1–3 и 5–7
5	Несторонники войны	Не высказывают декларативную поддержку «СВО» + поддерживают вывод войск за исключением групп 6 и 7
6	Близкие к противникам войны	Не высказывают поддержку «СВО» + поддерживают вывод войск + поддерживают приоритет социальных расходов
7	Открытые противники войны	Заявляют, что не поддерживают «СВО»

Рисунок 3. Спектр отношения к войне и его динамика в 2023 году, % от числа опрошенных

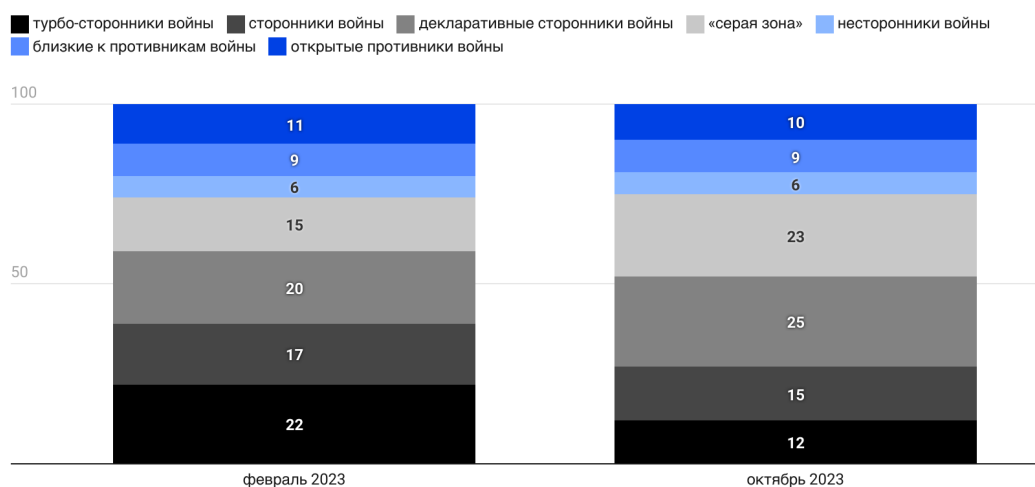

График: Re: Russia Источник: «Хроники»

Как видно на рисунке 3, провоенная часть выборки (турбосторонники и сторонники войны) существенно сократилась, доля антивоенно настроенных не изменилась в размерах (20–25%), а средняя зона размытого, нечеткого или скрываемого отношения к войне расширилась с 41 до 54%.

КАК И ПОЧЕМУ МЕНЯЛОСЬ ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 2023 ГОДУ

На рисунке 2 хорошо заметно, что именно начало 2023 года стало своего рода пиком мобилизации сторонников войны и поляризации в обществе — выросли одновременно и группа поддерживающих решение о выводе войск, и группа не поддерживающих такой сценарий. И это выглядит вполне логичным в контексте сопутствующих событий.

После осеннего отступления российских войск из Харьковской области и из-под Херсона «запах поражения» весьма взволновал российскую публику и поселил в ней ощущение опасной неопределенности. Более того, эти эмоции были поддержаны вполне конкретными изменениями в информационном ландшафте. Евгений Пригожин со своими неистовыми проклятиями в адрес Шойгу и Герасимова, якобы не дающих ему снарядов, и выведенный Пригожиным на федеральную медиасцену трайб провоенных блогеров радиировали атмосферу «Родина в опасности». (Интересно, что провоенный дискурс был поддержан в этом варианте мощным контрэлитным посылом.)

Это привело как к росту декларативной поддержки военных действий после ее снижения осенью 2022 года, так и к расширению милитаристского ядра поддержки. И наоборот, к концу 2023 года неудача украинского контрнаступления, холостой выхлоп путча, исчезновение Пригожина и падение значимости провоенных блогеров, оказавшихся под давлением кремлевской цензуры, снизили градус мобилизации. Провоенный ажиотаж потерял почву и подпитку, война рутинизировалась, сдвинулась на периферию и в зону того, что в позднесоветские времена называлось «двоемыслием», — формальной лояльности при отсутствии всякой убежденности.

Справедливо говоря о рутинизации войны, эксперты упускают, однако, важный аспект: рутинизация сопряжена со сжатием группы сторонников войны. Этот эффект общей демобилизации хорошо виден на «лепестковой» диаграмме (рисунок 4): в позиционировании по отношению к войне выборка сдвинулась от зоны реальной поддержки в направлении зоны декларативной поддержки и «серой зоны», где отношение респондента к войне трудноопределимо.

Рисунок 4. Спектр отношения к войне и его динамика в 2023 году, % от числа опрошенных

График: Re: Russia Источник: Левада-центр

Стоит отметить, что даже увеличение доли семей, в которых кто-то участвовал или участвует в военных действиях (в последних замерах об этом заявляли 24% респондентов), существенно не меняет профиля отношения к войне: в этой группе заявили о поддержке войны 58% при средних по выборке 52%. Таким образом, у близких прямых участников войны мы не наблюдаем ни повышенной критичности в ее отношении, ни повышенной солидарности с ее целями. В целом, мы наблюдаем двойной феномен: с одной стороны, равнодушие общества к потерям войны (которые достигают немислимых еще недавно масштабов), с другой стороны, отсутствие повышенной вовлеченности и сочувствия ее целям даже у тех, чьи близкие рискуют своими жизнями и здоровьем на фронте.

Отмеченные нами признаки общественной демобилизации перекликаются с рассмотренным [в статье Владимира Звоновского и Александра Ходыкина](#) феноменом и, возможно, дают подсказку к его пониманию. При том что доля заявивших о поддержке «военной операции» в 2023 году сократилась незначительно, доля тех, кто говорит, что в его окружении большинство людей поддерживает войну, сжалась гораздо заметнее, — и наоборот, выросла доля тех, кто говорит, что в его окружении противники и сторонники «военной операции» составляют равные доли — 50 на 50. Как видим, доля широкого провоенного ядра (39%) в начале 2023 года в полтора раза превосходила долю тех, кто придерживался скорее скептических в отношении войны взглядов (25%). Однако в второй половине года размеры этих ядер стали практически равны. Группа убежденных сторонников войны сократилась почти в полтора раза, при этом неубежденные или декларативные ее сторонники, скорее всего, имеют меньше стимулов высказываться о войне. Для российского обывателя результатом этого могло стать то, что «слышимость» провоенной позиции в его окружении заметно снизилась.

[В предыдущей публикации](#) мы описали несколько фаз изменения отношения к военным действиям и остановились на фазе «погружения в войну», осознания обществом ее длительности и непреодолимости, пришедшегося на прошлую зиму. В 2023 году основным трендом стали рутинизация или вытеснение войны. Важной частью этого феномена, как сказано выше, являются сокращение доли реальных сторонников войны и снижение «слышимости» провоенной позиции в обществе, своего рода демобилизация общества весной–осенью 2023 года.

Вместе с тем тот факт, что при резком сокращении доли реальных сторонников войны доля ее противников не выросла ни в узком, ни в широком определении, свидетельствует, видимо, об эффективности авторитарных институтов: издержки конфронтации с режимом в представлении респондентов выглядят высокими, а издержки войны — достаточно низкими. Некоторое снижение декларативной поддержки в 2023 году наблюдалось в большинстве возрастных групп, но во всех оно вело не к росту группы с открыто антивоенной позицией, а к увеличению доли «уклонистов». В результате в самых молодых возрастах (18–34 года) их доля достигает 50–60% при выражающих «нормативную» позицию поддержки войны 30–35%. Характерно, что именно молодежь, где даже декларативная поддержка войны является уделом меньшинства, оказывается сегодня основной целью пропагандистского давления властей.

Таким образом, на протяжении двух лет войны мы наблюдаем два периода мобилизации и два периода демобилизации общественного мнения в отношении к войне. Первая демобилизация в июле–сентябре 2022 года была, вероятно, связана с осознанием затяжного характера войны и ее значительных издержек. В то же время второй, «пригожинский» период мобилизации прошлой зимой («Родина в опасности») поставил в результате провоенную коалицию на грань острого внутреннего конфликта (критицизм провоенных блогеров, мятеж Пригожина).

Трудно сказать, является ли описанный нами здесь тренд второй демобилизации (с весны до конца 2023 года) устойчивым и необратимым. Сокращение доли противников решения о выводе войск в этот период, безусловно, говорит о растущем запросе на окончание войны. Вместе с тем не выросла не только доля открытых противников войны, но и доля выступающих за ее немедленное окончание по решению Путина. В опросе ExtremeScan в сентябре 2023 года на вопрос, улучшится или ухудшится жизнь россиян, если Россия выведет сейчас войска из Украины, 12% сказали, что улучшится, 34% — что не изменится и 37% — что ухудшится. Среди тех, кто заявлял о поддержке войны, отвечая на прямой вопрос, последний вариант ответа давали 50%. Это указывает на то, что сценарий вывода войск выглядит для респондентов как неясный, потенциально конфликтный и тревожный. И это обстоятельство, наряду со страхом репрессий, также препятствует консолидации антивоенных настроений.

МЕЖДУ «СПИРАЛЬЮ МОЛЧАНИЯ» И «ФУРГОНОМ С ОРКЕСТРОМ»: ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩИХ НА МНЕНИЕ РОССИЯН О РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ

Владимир Звоновский
Социолог

Александр Ходыкин
Социолог

Действует ли в современной России «спираль молчания» — социальный эффект, когда сторонники определенного мнения, считая его непопулярным, не решаются его высказывать и таким образом лишь усиливают его недопредставленность в публичном дискурсе? «Железнодорожный тест», используемый социологами для обнаружения «спирали», показывает, что говорить о «военной операции» с малознакомыми людьми не склонны россияне любых взглядов, но ее противники высказывают свое мнение примерно в полтора раза реже, чем ее сторонники.

Однако опросы выявляют и другой феномен. В 2023 году доля поддерживающих «военную операцию» несколько сократилась, но доля тех, кто говорит, что в его окружении ее поддерживает большинство, сократилась гораздо сильнее. Исследование обнаруживает, что часть тех, кто присоединяется к нормативному большинству поддержки военных действий, не имея собственной реальной мотивации к этому (эффект «фургона с оркестром»), не склонна высказывать свою позицию публично, находясь в смешанной среде, где присутствуют и сторонники, и противники «военной операции». В результате «слышимость» провоенной позиции в обществе снижается и не соответствует тому уровню, который можно было ожидать, глядя на долю тех, кто высказывает декларативную поддержку «военной операции» в ответах социологам.

ГИПОТЕЗА «СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ»

Как узнать, что думают россияне о военных действиях в Украине, в условиях, когда за высказывание антивоенной позиции можно получить штраф или вовсе оказаться за решеткой, а конфликты сторонников и противников «военной операции» с самого ее начала стали обычным делом? Сложности в изучении общественного мнения в условиях угрозы репрессий и социального давления стали причиной критики результатов массовых опросов россиян еще до, но в особенности — после начала военных действий. Некоторые российские социологи даже выступили

против проведения любых массовых политических опросов из-за сомнений в достоверности их результатов. Наиболее популярен аргумент, что в условиях стигматизации антивоенной позиции многие придерживающиеся ее россияне отказываются от участия в опросах, не желая обсуждать с незнакомыми людьми потенциально чреватую негативными последствиями тему и высказывать социально неодобряемое мнение, что ведет к смещению результатов опросов в пользу провоенной позиции.

Другой гипотезой, объясняющей доминирование провоенной позиции в результатах массовых опросов, является [теория «спирали молчания»](#), предложенная Элизабет Ноэль-Нойман в 1970-х годах. Эффект «спирали молчания» объясняет, как опасение столкнуться с давлением окружающих может побудить людей отказаться от высказывания своей точки зрения на потенциально конфликтный вопрос, если убедить их в непопулярности их позиции. Так, анализируя события Великой французской революции, Алексис де Токвиль обращал внимание, что сложившаяся тогда картина выраженных мнений была смещенной и вводила в заблуждение: «Люди, придерживавшиеся прежней веры, боялись оказаться в меньшинстве преданных своей религии. А поскольку изоляция страшила их более, чем ошибки, они присоединялись к большинству, не изменяя своих мыслей. Взгляды одной лишь части нации казались мнением всех и именно поэтому вводили в неодолимое заблуждение как раз тех, кто был виной этого обмана» («Старый порядок и революция», 1856).

Ноэль-Нойман предположила, что не очень заинтересованные в политике люди, прежде чем высказать свое мнение о политически значимом вопросе, оценивают риск столкнуться с социальным неодобрением окружающих и, если этот риск кажется им высоким, воздерживаются от артикуляции такого мнения. При этом она акцентировала внимание на динамике этого процесса: опасаящиеся остаться в изоляции люди воздерживаются от высказывания собственного мнения, если оно кажется им непопулярным; соответственно, это мнение звучит реже, что укрепляет людей во впечатлении, будто оно действительно непопулярно, и в результате они готовы высказывать его еще реже. Так раскручивается «спираль молчания», делая все менее популярной точку зрения, которая кажется ее приверженцам слабо распространенной. Государственное же давление в форме политических репрессий усиливает этот эффект, дополняя угрозу социального ostracism риском наказания. Так, в первые дни начала «специальной военной операции» в феврале 2022 года соотношение поддерживающих и не поддерживающих вторжение составляло 58% против 23% при 19% неопределившихся ([опрос ExtremeScan](#)). Но уже через пару недель это соотношение стало 79% против 14% (опрос Фонда социальных исследований).

Здесь следует уточнить, кто такие окружающие. Ноэль-Нойман прямо не акцентирует на этом внимания, но, исходя из ее экспериментов и опросников, можно утверждать, что окружающие — это люди, вступающие во взаимодействие с респондентом или потенциально способные на это. Это не обязательно только социальное окружение, в которое входят друзья, родственники, коллеги, но и не все общество в целом: соотечественник, живущий в другом городе, незнакомый респонденту

и не имеющий возможности контактировать с ним, окружающим для него не является, а попутчик в транспорте — является, даже если коммуникации с ним у респондента нет — потенциально она может возникнуть.

Можно сказать, что в российском общественном мнении относительно «военной операции» сложились все условия для эффекта «спирали молчания»: наличие двух остро конфликтующих позиций о военных действиях, поддержка властями провоенной точки зрения и усилия государственной пропаганды по дискредитации противоположного мнения и убеждению его приверженцев в его непопулярности и маргинальности. Наконец, есть и такой сильный катализатор «спирали молчания», как криминализация антивоенной позиции.

«ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

Для обнаружения эффекта спирали молчания Элизабет Ноэль-Нойман использовала «железнодорожный тест», измеряющий готовность приверженцев той или иной позиции по социально значимому вопросу открыто высказывать ее — в частности, обсуждать со случайным попутчиком, придерживающимся противоположных взглядов, в поезде. Мы попробовали адаптировать «железнодорожный тест» к условиям телефонного опроса (САТІ), проведенного нами 27 июня — 9 июля 2023 года и репрезентирующего взрослое население России по полу, возрасту и федеральным округам (N = 1977).

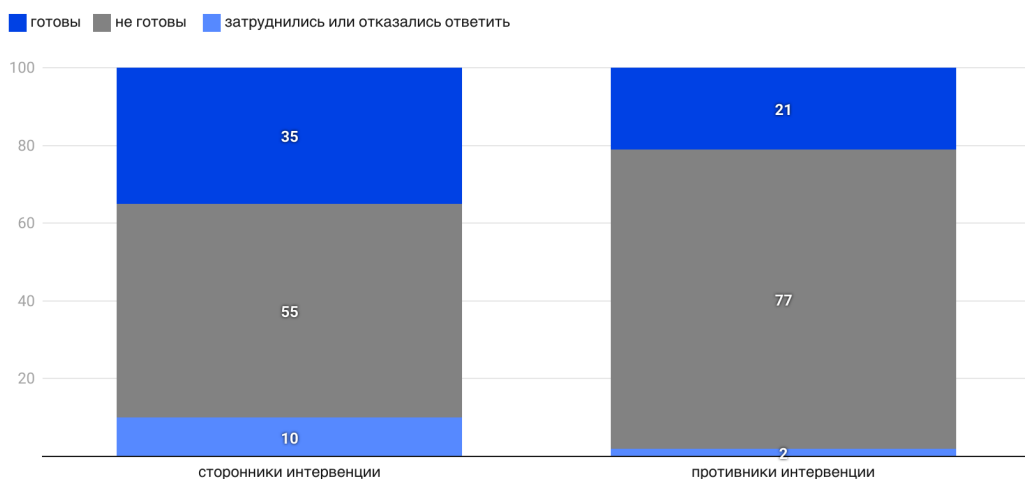
Сначала респондентам задавался прямой вопрос об их отношении к военным действиям («Скажите, пожалуйста, а вы сами поддерживаете или не поддерживаете „военную операцию“ России в Украине?»), а затем — вопрос о готовности обсуждать их с незнакомыми людьми противоположных взглядов. Сторонникам военных действий задавался вопрос: «Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в вашем купе начинает осуждать „спецоперацию“. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?» Для противников интервенции вопрос звучал зеркально: «Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в вашем купе начинает говорить в поддержку „спецоперации“. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?» В нашем опросе «железнодорожный тест» дополнен также вопросом о распределении позиций сторонников и противников интервенции в окружении респондента («Как вы думаете, среди ваших близких знакомых, родственников, коллег большинство поддерживает или не поддерживает „военную операцию“ России в Украине?»).

По результатам опроса, соотношение поддерживающих и не поддерживающих интервенцию оказалось 71 к 20%, еще 7% затруднились ответить и 2% отказались отвечать. Затруднившимся и отказавшимся вопросы «железнодорожного теста» не задавались, мы исключили их из дальнейшего анализа. В результате (после исключения) соотношение сторон-

ников и противников интервенции составило 78 к 22%. Сравнительно реже поддерживали военные действия женщины (76%), молодежь до 30 лет (62%), жители Москвы (69%) и Санкт-Петербурга (63%), люди с высшим образованием (75%) и люди с относительно низкими, по их оценке, доходами (69%).

В целом, результаты «железнодорожного теста» [подтверждают выводы качественных исследований Лаборатории публичной социологии](#) о неготовности россиян говорить о военных действиях: и среди их сторонников, и среди их противников большинство не хочет обсуждать острую военно-политическую тему с незнакомыми людьми. При этом противники военного противостояния предпочитают молчать о нем значительно чаще: 77% против 55% среди сторонников. Готовых же беседовать среди сторонников военных действий больше на 14 процентных пунктов (35% против 21%). Это и можно рассматривать как проявление «спирали молчания». Разрыв между готовностью сторонников и противников интервенции высказывать свою точку зрения нельзя назвать непреодолимым, но он достаточно велик, чтобы затруднить приверженцам антивоенной позиции ее распространение.

Результаты «железнодорожного теста»: готовность беседовать с политическими оппонентами, % от числа опрошенных

Готовность обсуждать военную тематику различается в разных социальных группах. Вне зависимости от отношения к военным действиям, мужчины и люди предпенсионного возраста готовы высказываться чаще, чем женщины и молодежь. По-видимому, мужчины более политизированы и чаще готовы спорить из-за различий в оценках. Это отчасти подтверждается [нашими исследованиями](#), показывающими, что мужчины готовы участвовать в опросах политической тематики стабильно чаще женщин. И среди сторонников, и среди противников «военной операции» готовность говорить нарастает с возрастом, достигая пика в группе 50–59-летних, а в группе пенсионного возраста падает до средних по выборке показателей. Уровень образования на готовность высказываться не влияет.

Результаты «железнодорожного теста» по социально-демографическим группам респондентов, % от числа опрошенных

	Сторонники «СВО»		Противники «СВО»	
	готовы беседовать с оппонентами	не готовы беседовать с оппонентами	готовы беседовать с оппонентами	не готовы беседовать с оппонентами
Среди всех россиян	35	55	21	77
Пол				
Мужчины	38	50	27	70
Женщины	32	58	17	82
Возраст				
18–29	22	73	17	83
30–39	27	63	19	80
40–49	35	53	22	75
50–59	45	45	34	60
60+	38	49	20	78
Место жительства				
Приграничные регионы	36	56	16	82
Москва	31	55	11	85
Санкт-Петербург	32	63	31	62
Села	38	51	26	74
Доходы				
Низкий доход	32	59	16	83
Высокий доход	34	56	28	69
Работа				
Не работают	37	52	16	84
Бюджетники	32	60	22	76
Предприниматели	33	54	28	64
Отношение социального окружения к «СВО»				
Большинство окружения за «СВО»	39	50	10	86
Чисто сторонников и противников «СВО» в окружении примерно равно	26	65	23	76
Большинство окружения против «СВО»	9	91	21	77

Сторонники «военной операции» из разных регионов и населенных пунктов разных типов примерно в равной степени готовы обсуждать ее с незнакомыми оппонентами. В то же время для противников место проживания оказывается значимым фактором: в приграничных регионах, где поддержка военных действий наиболее высока, они готовы обсуждать их реже, видимо, испытывая большее социальное давление. При этом противники военных действий из сельской местности готовы обсуждать ситуацию с незнакомыми оппонентами чаще, несмотря на то что уровень поддержки интервенции в таких населенных пунктах, как правило, выше. Уровень дохода не влияет на готовность высказываться у сторонников военных действий, а у их противников готовность разговаривать с политическими оппонентами растет линейно с ростом доходов. Недовольные военным противостоянием предприниматели тоже чаще готовы обсуждать его со своими политическими противниками.

Сильнее всего на готовность человека высказываться о «военной операции» влияет распределение мнений о ней в его ближайшем окружении.

Те, у кого в окружении доминируют сторонники взглядов, противоположных взглядам респондента, реже готовы обсуждать военные действия с незнакомыми оппонентами. По данным всероссийского телефонного опроса, проведенного нами в декабре 2023 года, 43% россиян (42% сторонников и 48% противников «СВО») имеют опыт конфликтов из-за различия в оценках текущих событий. Имеющие в окружении преимущественно оппонентов и потому с высокой долей вероятности конфликтовавшие с ними на этой почве чувствуют себя в изоляции и под социальным давлением и потому стремятся избежать объяснений. Среди подобных респондентов готовы обсуждать эту тему со случайным попутчиком противоположных взглядов в поезде лишь 9% сторонников и 10% противников интервенции — против, соответственно, 35% и 21% в выборке в целом. Последние две группы, выражающие готовность говорить на острые темы несмотря ни на что, — те самые «крепкие орешки» в терминологии Ноэль-Нойман, готовые отстаивать свою позицию, сколь бы непопулярной она им ни казалась. На них «спираль молчания» не действует.

Если сторонники «военной операции» теряют желание спорить с ее противниками по мере увеличения опыта общения с ними (готовность падает с 35 до 9%), то у противников эта тенденция выражена не столь ярко: снижение с 21% среди обычно находящихся в окружении единомышленников до 10% среди тех, кто обычно находится в среде оппонентов. При этом, если окружение противников военных действий разделяется во взглядах на «операцию» примерно пополам, вероятность обсуждения ими «СВО» не сокращается. Противники интервенции лучше адаптировались к непопулярности своей позиции: их готовность говорить с оппонентами снижается, только когда те преобладают в их социальном окружении. В то время как сторонники милитаристской позиции, столкнувшись даже с паритетом мнений в своем окружении, значительно теряют в готовности обсуждать проблему с незнакомыми оппонентами. Возможно, многие из них в своей поддержке интервенции присоединились к большинству под влиянием эффекта «фургона с оркестром» — описанного в классической работе социологов Джорджа Гэллага и Сола Форбса Рэя «Пuls демократии» стремления присоединиться к победителям. Столкнувшись же с отсутствием такого большинства в собственном окружении, многие из них теряют готовность дискутировать и отстаивать свою точку зрения.

МНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩИХ КАК КОСВЕННЫЙ ИНДИКАТОР УРОВНЯ ПОДДЕРЖКИ ИНТЕРВЕНЦИИ

Динамика уровня поддержки «военной операции» социальным окружением респондентов, которую измерял третий вопрос нашего теста, важна по нескольким причинам. Во-первых, позиция окружения всегда существенно влияет на позицию респондента, и уровень поддержки военных действий окружением указывает на уровень социального давления, которое он испытывает. Во-вторых, распределение оценок военных действий в окружении респондентов показывает, насколько эффективно сторонники и противники интервенции доносят свое мнение до окру-

жающих. Таким образом, разница между распространенностью той или иной позиции среди респондентов и их восприятием распространенности этой позиции в собственном окружении также может быть следствием эффекта «спирали молчания». Ответы респондентов на вопрос о преобладающем отношении к «СВО» в их окружении показывают, насколько «слышна» респондентам та или иная точка зрения в их социальной среде.

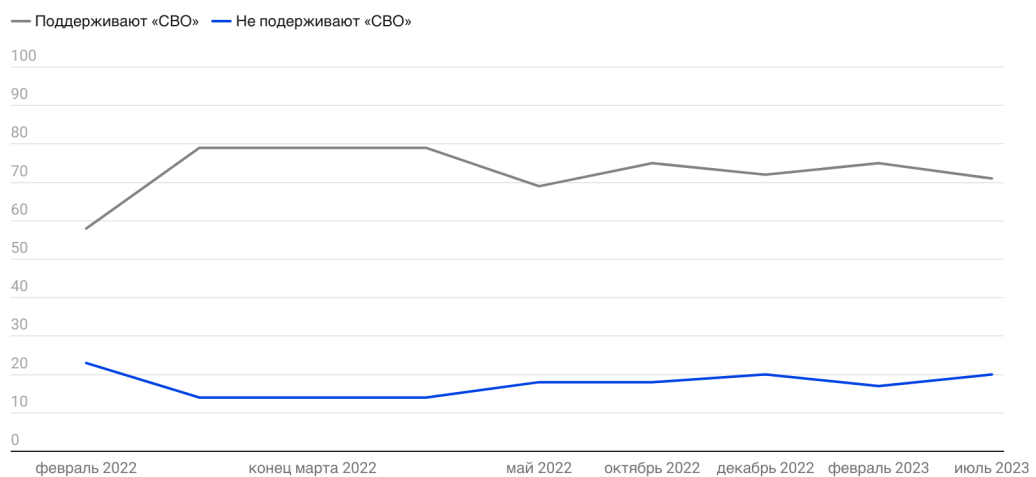
При значительном преобладании сторонников «военной операции» над ее противниками (71% против 20%) можно предположить, что доля респондентов, в чьем окружении преобладают сторонники военных действий, будет преобладать столь же сильно. Однако, по нашим данным, в то время как 71% респондентов поддерживают интервенцию, преобладает такая позиция в окружении лишь у чуть более половины россиян (56%). Тогда как у 40% в окружении либо сложился паритет мнений (27%), либо доминируют противники военных действий (13%). Есть четыре возможных объяснения такой ситуации: 1) либо сторонники интервенции предпочитают молчать значительно чаще, чем их оппоненты; 2) либо 20% ее противников смогли убедить, что их гораздо больше, вдвое превосходящую их по размеру долю россиян; 3) либо противники интервенции чаще не желают участвовать в социологических опросах и выборки оказываются смещены в пользу приверженцев милитаристской позиции, 4) либо, отвечая на вопрос о личной поддержке, респонденты присоединяются к нормативной, «правильной» позиции, усвоенной из массмедиа, но в оценке позиции своего ближайшего окружения они такой нормативности не подвержены и отвечают более свободно.

Первое предположение опровергается данными «железнодорожного теста»: сторонники военных действий готовы обсуждать их чаще, чем их противники. Второй вариант кажется маловероятным, поскольку в российском информационном поле доминирует милитаристская позиция. В то же время, как показывают [наши исследования](#), в отношении россиян к государственной пропаганде имеет место определенная двойственность: пропаганда признается нужной и полезной для демонстрации твердости намерений российской стороны, но даже сторонники военных действий не считают информацию официальных СМИ достоверной и корректируют ее в той мере, в какой это кажется им обоснованным.

Удовлетворительных инструментов для проверки наиболее вероятных, на наш взгляд, третьей (смещение выборки) и четвертой (смещение собственных предпочтений в сторону нормативных) гипотез у нас, к сожалению, нет. Но в их пользу свидетельствует слабая состоятельность первых двух. Если социальная база противников интервенции составляет лишь 20% населения, то как они могут преобладать в окружении 13% россиян, а в окружении еще 27% составлять половину голосов? Возможна также регрессия к среднему: люди не склонны давать крайние оценки. Однако, когда доля сторонников одной позиции больше доли их оппонентов в 3,5 раза, непонятно, почему столь значительное преобладание замечает лишь чуть более половины россиян (56%), при том что государственная пропаганда настойчиво продвигает идею о непопулярности в России антивоенных взглядов.

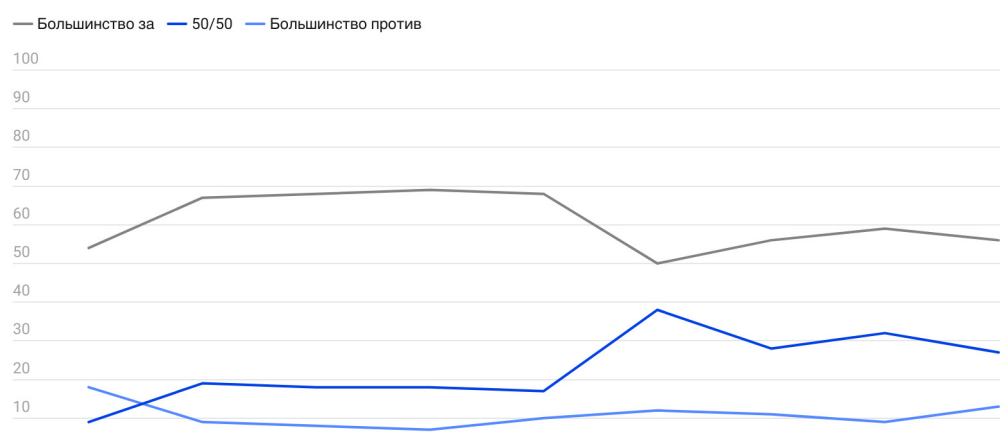
По данным девяти общероссийских опросов, проведенных в 2022–2023 годах, разрыв между долей сторонников «военной операции» и долей тех, у кого в окружении преобладают ее сторонники, наблюдается на протяжении всего периода военного противостояния. Особенно заметным он стал сразу после начала мобилизации. Затем он немного сгладился, но все равно остался на более высоком по сравнению с периодом до мобилизации уровне. Как видим, после начала мобилизации доля сторонников «военной операции» составляет в среднем 73% (по четырем замерам), в то время как в начале «военной операции» составляла 79% (по трем замерам), то есть число людей с провоенной позицией снизилось на 6 п. п. В то же время доля респондентов, у которых в окружении большинство составляют сторонники «операции», снизилась с 68 до 57%, то есть здесь снижение было почти вдвое заметнее. Это дает основания предполагать, что, возможно, из поля зрения социологов-полстеров стала выпадать все бóльшая группа недовольных военным противостоянием.

Динамика поддержки «СВО» респондентами, % от числа опрошенных

Источник: Фонд социальных исследований

Динамика поддержки «СВО» окружением респондентов, % от числа опрошенных

Источник: Фонд социальных исследований

В некоторых наиболее антивоенных группах (молодежь, жители Санкт-Петербурга, люди с низкими доходами, занятые в частном секторе) люди чаще окружены противниками «военной операции». Однако в других социально-демографических группах, где подобные взгляды также более популярны, этот эффект не наблюдается. Это москвичи, жители региональных центров, предприниматели и те, кто узнает о военных действиях из интернета. Преобладание сторонников интервенции явно выражено (больше 60%) в окружении только самых милитаристски настроенных групп: у телезрителей (66%), жителей приграничных регионов (65%), обладателей высоких доходов (64%) и россиян старшего поколения (61%). Таким образом, дифференциация респондентов по позициям их ближайшего окружения не столь велика, как по их собственным декларируемым взглядам на российско-украинский конфликт.

Уровень поддержки «СВО» социальным окружением респондентов, % от числа опрошенных

	Большинство за «СВО»	противников «СВО» примерно поровну	Большинство против «СВО»	Затруднились или отказались ответить
Среди всех россиян	56	27	13	5
Пол				
Мужчины	60	24	12	4
Женщины	52	29	14	5
Возраст, лет				
18–29	39	38	22	1
30–39	55	25	18	2
40–49	56	26	15	3
50+	61	24	8	7
Место жительства				
Приграничные регионы	65	22	9	5
Москва	54	23	21	2
Санкт-Петербург	43	33	21	3
Доход				
Низкий доход	42	30	18	9
Высокий доход	64	22	9	4
Работа				
Не работают	58	27	9	6
Бюджетники	59	27	11	3
Работают по найму в частных компаниях	49	29	19	3
Предприниматели	56	19	19	5
Источники информации о «СВО»				
Телевидение	66	23	7	4
Интернет	56	25	16	3

Итак, полученные в ходе адаптированного «железнодорожного теста» данные подтвердили [сделанное по результатам прошлогодних фокус-групп предположение](#) о низкой готовности россиян обсуждать российско-украинский конфликт. Это косвенно свидетельствует в пользу аккламационного и аполитичного характера поддержки «СВО» у многих жителей России, [описанного Владимиром Ищенко и Олегом Журавлевым по материалам серии глубинных интервью](#) с россиянами, не являющимися противниками «военной операции». По данным «железнодорожного теста», обсуждать военные действия готовы лишь 35% их сторонников и 21% их противников. Разница между этими долями свидетельствует о том, что под действие описанной Элизабет Ноэль-Нойман «спирали молчания» значимо чаще попадают противники «СВО», а ее сторонники чаще готовы обсуждать свою позицию с незнакомыми оппонентами, что неудивительно ввиду большей популярности их точки зрения.

Однако эта готовность резко снижается, если в их ближайшем окружении не преобладают их единомышленники. По всей видимости, хотя механизм «спирали молчания» чаще влияет на готовность высказываться у противников «СВО», в то же время они лучше адаптировались к смешанной среде, где представлены оба мнения. Как в данном опросе, так и в предыдущих замерах доля респондентов, заявивших о поддержке «военной операции», значительно выше доли тех, кто говорит, что в его окружении ее сторонники преобладают. Разрыв между этими показателями заметно увеличился после «частичной мобилизации», хотя уровень поддержки интервенции респондентами изменился незначительно. Именно распределение мнений в окружении респондентов сильнее всего влияет на их готовность обсуждать российско-украинский конфликт с приверженцами противоположной точки зрения. Столкнувшись с преобладанием оппонентов в ближайшем окружении россияне намного реже готовы говорить на эту тему. Такие данные перекликаются [с результатами качественных исследований](#), показывающих, что сохранение социальных связей для россиян важнее, чем потребность отстаивания и распространения собственных политических взглядов.

Сокращенная версия статьи [«Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы „спирали молчания“](#)», опубликованной в журнале «Социологические исследования» (2023. № 11).